

Той ночью Цуй Сянь принял троих «гостей». Вместе с Юань Чжэнчу они очистили человеческие души от скверной ци, которая годами просачивалась в них, и те наконец очнулись от долгого помутнения, вновь обретя интеллигентный облик, каким обладали при жизни.

— Благодарим господина Судью.

Цуй Сянь ответил:

— Через несколько дней всех разом отправим в перерождение. А пока возьмите номерки и ждите своей очереди. За это время можете либо временно поселиться в сосуде для душ, либо отправиться исполнить оставшиеся при жизни желания - как вам удобнее.

Трое переглянулись и, превратившись в лучи белого света, разлетелись в разные стороны. Перед уходом «гости», следуя старому обычаю, оставили Судье «благодарственные дары». Кто-то приносил редкие цветы и травы - Цуй Сянь расставлял их по вазам. Кто-то оставлял благовония, свечи и бумажные деньги для мёртвых - в мире живых их всё равно не потратишь. Кто-то дарил старинные нефритовые изделия и антиквариат из собственного погребального инвентаря. А один и вовсе прямо на месте выковырял изо рта пропитанную кровью погребальную монету!

Сейчас Цуй Сянь был беден настолько, что впору было мочиться кровью, но даже к этим вещам не притронулся. Иначе он действительно превратился бы в перекупщика, торгующего культурными ценностями. Вместо этого он сложил всё на складе старой усадьбы.

Только теперь Цуй Сянь понял, почему просторная комната в передней части второго этажа доверху набита всяким «хламом». Похоже, такова была давняя традиция рода Цуй. Даже та огромная кровать с балдахином, украшенная драконами и фениксами, наверняка когда-то была «ложем», которое какая-нибудь призрачная барышня эпохи Цин подарила одному из Судей рода Цуй.

Сегодня он собирался закрыться пораньше, потому что Юань Чжэнчу нужно было отправиться за ингредиентами для его «лекарства». Цуй Сянь, исходя из состояния собственных финансов, долго прикидывал, покупать тому билет на обычный поезд или на скоростной.

Кто бы мог подумать, что Юань Чжэнчу, дождавшись тёмной безлунной ночи, просто вытащит Шэньцюэ Инь и Ян и с коротким «вжух» улетит прочь.

Перед уходом он оставил лишь несколько слов:

— В последнее время в Чжоушане беспокойно, призраки бродят повсюду. К тому же скоро первое число месяца, новолуние, и тогда станет ещё опаснее. Даже обычный человек со слабой судьбой может столкнуться с нечистью. Будь осторожен, из дома не выходи. Если что-то случится, дождись моего возвращения.

Цуй Сянь действовал очень осторожно. Перед тем как закрыть двери, он ещё раз проверил талисманы, которые Юань Чжэнчу наклеил на окна и двери. Убедившись, что всё в порядке, он вернулся на второй этаж, забрался в постель вместе с Сяо Ба и принялся наслаждаться редким «временем отца с сыном». Сяо Ба наконец-то получил возможность залезть на кровать и тут же принялся с выпущенными когтями и оскаленными зубами бешено тереться и кататься по одеялу на стороне Юань Чжэнчу, явно пытаясь своим запахом единолично пометить всю постель. Цуй Сянь ему это позволял и вдобавок достал телефон, после чего с непрерывным «щёлк-щёлк» принялся фотографировать. Так он и милый вид Сяо Ба запечатлевал, и одновременно собирал доказательства его преступления - одним выстрелом двух зайцев.

Вскоре Сяо Ба укатался до усталости, растянулся поперёк подушки Юань Чжэнчу и захрапел. А вот Цуй Сянь никак не мог уснуть: как ни поворачивался, всё было неудобно, и даже казалось, будто сегодня доски кровати стали особенно жёсткими. В конце концов он просто сел и отправил сообщение своему другу детства Чжань Чуаню, который тоже жил в Чжоушане.

«В последнее время по ночам беспокойно. Не шатайся постоянно по глухим местам и не ездь на ночную рыбалку».

Сообщение только-только ушло, как тут же раздалось «динь-дон», и Чжань Чуань мгновенно ответил: «Откуда ты узнал, что я поймал здоровенную рыбину!»

Тц. Кто вообще его об этом спрашивал?

Следом пришла фотография в высоком разрешении. На заднем плане чернела вода, по берегу рос камыш высотой в полчеловека, а на неровном, заваленном камнями месте для рыбалки лежала огромная рыба длиной с руку. В правом нижнем углу кадра Чжань Чуань показывал самому себе большой палец.

— ...

— Ты смерти ищешь?! Быстро домой! — заорал Цуй Сянь прямо в телефон.

Но Чжань Чуань отказался подчиняться.

«Я несколько дней искал это идеальное место! Чтобы прикормить рыбу, я сюда больше пятидесяти цзиней корма высыпал. Клёв только начался. Нет, я не уйду».

Цуй Сяню хотелось просунуть руку прямо сквозь экран и оттащить Чжань Чуаня за ухо.

«Пятьдесят цзиней корма? Ты эту рыбу поймал или она объелась до смерти и сама всплыла? Лучше бы эти пятьдесят цзиней еды ко мне домой привёз и меня кормил, а то я каждый день одну фасоль жу».

«Можешь оскорблять меня, но мою рыбу не трогай. Она, между прочим, живая, бодрая, так и скачет. Перед уходом я всё равно её отпущу».

Цуй Сянь не понимал: столько мучиться, чтобы поймать рыбу, а потом ещё и выпустить - тогда зачем вообще её ловить?

«Хватит болтать. Ты что, не знаешь, что перед первым и пятнадцатым числом по глухим окраинам лучше не шляться? Ещё на нечисть нарвёшься. Иди домой».

Чжань Чуань кое-что знал о подноготной Цуй Сяня, поэтому, выслушав получасовую ругань, поковырял в ухе, но слова друга всё-таки принял к сведению. Он собрал снасти, выпустил обратно ту редкую огромную рыбу и, прежде чем она уплыла, ещё и с таинственным видом напутствовал её, велел в следующий раз снова приходить сюда клевать на его крючок.

Цуй Сянь всё равно не успокоился. В конце концов он напрямую позвонил на домашний телефон Чжань Чуаня и, лишь убедившись, что тот действительно вернулся домой, снова лёг в кровать. Повернув голову, он полюбовался на Сяо Ба, который спал на подушке Юань Чжэнчу, закатив глаза, и с явным отвращением провёл ладонью по его шерсти.

— Один и тот же человек на этой подушке спит, а какая разница. Сынок, ну и рожа у тебя во сне.

На следующий день Цуй Сянь, слишком хорошо знавший повадки заядлых рыбаков, ещё до наступления темноты позвонил Чжань Чуаню по видеосвязи, чтобы убедиться, что тот честно сидит дома.

Но стоило включиться видео, как у Цуй Сяня потемнело в глазах. На другом конце были всё те же знакомые берега, всё тот же знакомый камыш, только теперь рядом прибавился ещё и большой камуфляжный ящик с инструментами.

Цуй Сянь лишился дара речи, а Чжань Чуань с совершенно уверенным видом принялся его успокаивать:

— Да не волнуйся, братан. Я тебя услышал. Видишь, всё подготовил. Какое-то там новолуние первого числа - вообще ерунда, разберусь одной левой. Да даже если бы сегодня был Чжунъюань, пятнадцатое число седьмого месяца, мне и тогда этой экипировки хватило бы!

Чжань Чуань развернул камеру, и Цуй Сянь буквально остолбенел. На гряде камней у воды для прикормки лежал клейкий рис, наживку он замешивал на куриной крови, место для ловли искал компасом-багуа, вместо лески использовал разметочную нить с тушью, а удилищем ему служила ветка персикового дерева.

Чжань Чуань с гордостью заявил:

— Ни неба не боюсь, ни земли. Чжун Куй придёт - сам дорогу уступит, призрак явится - подерётся.

Цуй Сянь мог только восхититься. Вот это да. Снаряжения у этого типа было даже больше, чем у него самого, недоучки-Судьи.

Когда всё дошло уже до такого, говорить было бессмысленно. Цуй Сянь лишь молча поднял перед камерой большой палец, а затем безжалостно сбросил видеозвонок.

Глубокой ночью, когда Цуй Сянь наконец задремал, телефон вдруг пронзительно зазвонил. Проснувшийся от звука Сяо Ба одним ударом лапы сбросил его с кровати на пол. Цуй Сянь сонно поднял телефон, увидел имя Чжань Чуаня и с совершенно бесстрастным лицом ответил:

— Алло. Если ты опять решил хвастаться своей рыбой, я сейчас среди ночи приеду к тебе и спалю дом.

Но в этот раз Чжань Чуань, вопреки обыкновению, не ответил сразу. Он тяжело дышал, и невозможно было понять, от страха или от возбуждения. Цуй Сянь мгновенно проснулся и крепче сжал телефон.

— Что случилось? Быстро говори!

В трубке раздавалось только тяжёлое «хух-хух» дыхание Чжань Чуаня.

— Братан... дело плохо.

Цуй Сянь нервно поджал губы.

И тут с другой стороны прозвучало:

— Я... я, кажется, поймал русалку!

— ...

Цуй Сяню захотелось повесить трубку. Он подозревал, что у этого вечного рыбака-неудачника от многолетнего бесклёвья наконец начались предсмертные галлюцинации рассудка.